

Спасительница и скептики

ТАТЬЯНА РОМАН

Татьяна Роман

Спасительница и скептики

<https://litres.ru/74345283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жених разорвал помолвку, брат с отцом пытаются поскорее выдать замуж за другого, ненавистный герой войны назначен личным стражником, а лучший друг вечно в разъездах.

Моя жизнь осыпается по кирпичикам, и всё, что мне остаётся - мягко улыбаться, не показывая боль.

Ведь, я принцесса королевства Алмассии Руфалина Александреску!

Пройду испытания и не сломаюсь, даже произнося прощальную речь тому, кого любила с детства.

Только почему от него исходит столь странный аромат? Отчего в глубине карих глаз плещется тоска, а моя рука вновь тянется к запретным знаниям, оставленным матушкой?

Возможно, всё не так очевидно, как кажется на первый взгляд.

Татьяна Роман

Спасительница и скептики

Глава первая. Это какая-то шутка

Мои ясные глаза видят. Аккуратные ушки слышат. Тонкие пальчики сжимают фарфоровую ручку аккуратной чашечки, которая прочему-то раздражающе дребезжит о блюде.

Медленно поставила чашку, фарфор коснулся блюда.

Звук получился совершенно неприлично громким.

Мой воистину гибкий разум раз за разом обдумывает происходящее, но отчаянно не может его принять.

- Руфи, - голос брата прозвучал слишком тихо в совершенно беззвучной малой столовой, - мы тоже не в восторге, но всё понимаем. Вильгельм предложил отличную альтернативу!

- Руфалина, - ворчливо поправил отец, считавший что даже в узком семейном кругу необходимо следить за языком. — Владиус, не забывай что обращаешься к принцессе, а не к кухарке из захудалой таверны!

- Я обращаюсь к сестре, - вздохнул наследник престола.

На недовольный взгляд отца, он с извиняющейся улыбкой грациозно склонив голову. Мы все прекрасно зна-

ли, что учтивости хватит ровно на несколько минут, до следующего обращения ко мне.

- Дочь, сорванная свадьба – это, безусловно, прискорбно, - высказал с непроницаемым выражением лица Его Величество Генрих I обращаясь ко мне, - но не повод для безобразной истерики.

Всё что смогла себе позволить, свела лопатки ещё ближе к позвоночнику. Матушка бы мной гордилась, «королевской» осанки не добились от меня не бесконечные учителя, не она сама. Этому воистину выдающемуся навыку научил меня жених.

Ах, простите, бывший жених.

Вильгельм смотрит на меня своими карими глазами, в которых я так часто тонула.

Но в этот миг я больше всего на свете ненавижу именно это - его спокойствие.

Он виноват, он только что разорвал помолвку. Он должен был хотя бы выглядеть несчастным.

Хотя бы немного.

- Я надеюсь, - сказал Вильгельм холодно, - ты поймёшь.

Спина горит от напряжения, а глаза не могут соскользнуть с его лица, в котором на миг что-то дрогнуло. Но вновь стало холодной маской. Мужчины, с которым была помолвлена почти всю жизнь.

Когда-то мы были детьми.

Я помню, как впервые увидела его на официальном празд-

нике. Как мне объяснили, что однажды этот мальчик станет моим мужем.

Мне было восемь, ему десять.

Я тогда спросила: «А можно мне выбрать другого?»

Матушка засмеялась, отец сказал, что это невозможно. А Вильгельм стоял рядом и выглядел ужасно недовольным тем, что его вообще заставили надеть парадный костюм.

Потом мы выросли. Вместе.

Я привыкла к его письмам, приездам. К разговорам о будущем, к тому, что однажды стану княгиней.

Я даже научилась любить эту мысль.

А теперь он сидит напротив и говорит:

- Я люблю другую.

Медленно выдохнула, уголки губ сами собой приподнялись. Ровно настолько, сколько требуют приличия. Есть уже не хотелось. Даже любимая тушёная тыква в йогуртовой подливке выглядит такой же разваленной и жалкой как моя жизнь.

- Как прекрасно что с этим разобрались, - с заметным облегчением выдохнул брат, деля вид что досадный инцидент исчерпан, – А теперь обсудим новые условия для договора поставки металла.

В голове странно нарастает раздражающий звон. Усиливается от каждого слова Вильгельма. Удерживаю взгляд на сверкающем бриллиантами кольце, подаренном прилюдно, в самом центре бального зала королевского дворца. В мой де-

бютный бал. После головокружительного вальса.

Мужчина, стоящий передо мной на одном колене, дрожащий от волнения, рассматривающий меня как самое ценное сокровище, спустя пять лет обсуждает сумму откупа от нашего брака.

Тем же голосом, каким обычно обсуждал государственные дела. Или погоду. Или то, что в следующем месяце потребуется заменить несколько лошадей в княжеской конюшне.

Не тем голосом, которым мужчина сообщает женщине, что собирается разрушить двадцать три года её жизни.

В горле запершило. С трудом сглотнула, получилось досадно громко.

- Прощу меня простить, - проговорила хрипло, - думаю, погода играет со мной злую шутку.

На последней фразе не удалось не взглянуть в карие глаза будущего супруга... бывшего жениха.

А он... кивнул.

Будто ещё имеет на это право. Будто имеет какое-то право на меня.

И почему-то именно это оказалось последней каплей.

Встала, стул тихо отодвинулся.

Мягко склонилась в реверансе, безупречно удерживая осанку. Развернулась, шурша пышными юбками и вышла.

Не быстро. Не медленно. С поднятым подбородком.

Стоило массивным дверям закрыться на спину, позво-

лила себе перестать дышать.

Восхитительно пустой коридор, раздражающе светлый, свежий и невыносимо сверкающий в лучах полуденного солнца. Будто жизнь не разрушена, а продолжается.

Успела сделать с десятков шагов, как за спиной раздалось.

- Я сопровождаю вас до покоев, леди.

Бархатистый, самоуверенный голос моего личного стражника, от которого невольно закрылись глаза. Не от благоговения, как у придворных дам. От чистой, незамутнённой ярости.

Не остановилась и не обернулась, что сыграло со мной злую шутку. Отвлеклась, не заметила что пышная юбка обеденного платья задела тонкую ножку постамента с вазой.

Всё что мне осталось – это смотреть как восхитительное творение выдающегося творца прошлого века, летит на каменный пол, встречая печальный конец.

Звон, огласивший широкие коридоры основного дворца, разносился эхом, продлевая мой позор.

Подняла взгляд, встретившись с чёрными, ехидно суженными глазами лучшего друга моего брата. Он, прошедший ни один бой, принёсший победу в войне со степными варварами, мог бы с лёгкостью поймать летящую вазу, как ловит на балах теряющих сознание девиц.

Но не стал.

И всё для того, что сделать более одной и без того раздавленной принцессе.

- Ты бесполезен, - резюмировала холодно и развернулась, намереваясь продолжить путь.

- Ты неуклюжа, - парировал Аарон, абсолютно точно следуя за мной по пятам.

Я не слышу шагов, лишь привычно ощущаю его присутствие. И внимательный взгляд, направленный в мою спину.

В коридор вбежали служанки и вошли стражники. Покло-
нились мне, и с гораздо большим почтением, Аарону.

Любимчику короля, а не расходному материалу для укрепления власти.

Тому, переживания за кого не мог скрыть даже мой брат, выслушивая доклады с поля боя, сжимая кулаки. О моём состоянии могли не справляться неделями.

После его ранения, впервые было прервано важное совещание о расширении морских границ. Во время сильной, затяжной лихорадки, ко мне не заходили ни разу, страшась заразиться.

- Сломаешь каблуки, я тебя тащить не буду, - с тихим смешком, прокомментировал чрезмерно громкие шаги. Мы успели выйти из общей залы и свернуть в сторону замка принцессы.

- Будешь. – коротко ответила, зная, что услышит. Он всегда каким-то образом умудряется меня слышать, - ты мой личный рыцарь.

Последнее больно кольнуло глубоко в груди.

С тоской взглянула на дежурного стражника. Пожилого,

молчаливого мужчину, чьего имени не узнала за всю двадцатитрехлетнюю службу моим личным рыцарем.

И мне это нравилось!

Но родной отец решил наградить лучшего друга за военную победу. Не обширными землями, золотом, шахтами. А за мой счёт. Впрочем, как всегда.

И уже почти год, как замечательный почти незнакомый пожилой стражник греется на солнышке у входа в замок принцессы, пока нахальный вояка ежедневно развлекается, играя на моих нервах.

- В обязанности твоего рыцаря не входит таскать принцессу потому, что она психанула.

Остановилась, развернулась к нему всем телом.

Высокий, широкоплечий, в тёмной форме, совершенно невозмутимый. Как всегда.

- В твои обязанности входит предотвращать нанесению вреда моему здоровью, - выдохнула, начиная обретать спокойствие.

В поле зрения попал портрет. Самый любимый, пробуждающий только приятные воспоминания. И уже спокойнее закончила:

- Я могу подвернуть ногу сломав каблук, отбить свои пяточки или отморозить ноги о каменный пол. И тебе придётся мне понести.

Голубые глаза мамы смотрят с гордостью, от которой взгляд сам собой стал чуть надменной, уверенней.

Как же мне её не хватает.

- Придётся, - разрушил моё любовное портретом родной матери, - но учти. Если когда-нибудь, я буду вынужден переносить твоё щедедушное тело, то сделаю это перебросив через плечо. — и уточнил, растягивая каждое слово: - Как мешок картошки.

Из горла вырвалось неприличное, почти животное рычание, подавить которое удалось с трудом. Развернулась и последовала в свои покои, которые сегодня кажутся особенно далёкими.

- Я слышал что у императора Талимана на южных землях есть ручная тигрица, - с улыбкой глядя на меня поделился наследник престола, - никогда не думал что у нас такая тоже имеется.

- Ненавижу тебя, - прошептала, подходя к стражникам у покоев.

- Ты это утром говорила, - шёпот почти в макушку. Мужчины привычно делают вид что никакой вопиющей, нарушающей все нормы приличия близости перед ними не происходит.

- Так запиши и исправься, - дождалась, когда двери откроются, сделала шаг.

- Принцесса, - смешок, - да я живу ради этого.

За моей спиной закрылись двери, отрезая от веселящегося личного рыцаря. Оставляя меня наедине с притупившейся болью и бушующей яростью.

Уже позже, удалось немного успокоиться. Глубоко дышала, пока горничная поправляла выпавшие из высокой причёски локоны, припудривала неприлично покрасневшие щеки.

Брата встретила уже спокойной. Ровно до фразы: «вы с Аароном опять поссорились?».

- Агнесса, будь столь любезна, прижми спиртовую тряпочку посильнее, - попросила помощницу лекаря, обрабатывающую царапины родного брата.

Владиус на мои слова улыбнулся шире, прекрасно зная что влюблённая девушка не способна причинить ему даже малейший вред.

- Да он меня доводит! Специально! Каждый раз!

На каждое слово я неподобающе топала по полу. Отец был бы в ярости. Но в моих покоях его не было. Его никогда здесь не было. Инициатива видеть единственного родителя всегда была только с моей стороны.

Владиус же, наоборот, в мои покои навещался слишком часто. Чуть ли не каждый день навещая свою сестру. Иногда мне кажется, что дело не братской любви, а в том, что внешне я мамина копия.

Полная противоположность мужской части семьи. Вместо спокойных серых, ярко голубые глаза. Волосы не глубокого шоколадного цвета, а благородно золотые, густые и выющиеся. Только аристократическая бледность совпадала полностью, для поддержания которой в моей гардеробной стоит

стеллаж с зонтиками.

Но самым обидным был рост: я не доставала никому из мужчин даже до плеча. Потому и приходится во время пози-
рования для семейных портретов приносить для меня табу-
реточку и прикрывать её ножки лежащими на полу собачка-
ми или кошечками.

А у нас никогда не было животных! У отца сильнейшая аллергия. И писать художникам приходится без натуры.

Вот и получались семейные портреты наполовину реали-
стичными, красивыми и аккуратными, а к низу именно возле
моих ног, с нечёткими животными. Плоские носы, уши раз-
ных размеров и непропорциональные лапы – самые удачные
примеры работ местных мастером пера.

- Руфи, он доводит всех, не только тебя, - кивком голо-
вы поблагодарил помощницу лекаря, дождался когда сму-
щённая девушка покинет мои покои и продолжил: - Такой у
Аарона характер, не обижайся на него.

- Он сравнил меня с мешком картошки! – призналась в
том, что задело сильнее всего. И с удивлением рассмотрела
в глазах брата не сочувствие родной сестре. Он развлекался
за мной счёт!

Ещё один.

Прекрасно зная, как сильно я ненавижу этот отвратитель-
ный клубень!

- Владиус, - тихо выдохнула, игнорируя пробегающие по
телу мурашки, - я была маленькой и голодной. Всего лишь

пробралась на кухню перекусить.

- Я понимаю, Руфи, - прикрыл губы перебинтованной рукой, скрывая улыбку. – И совсем не осуждаю. Но и нас пойми: мы с Аароном, рыцарями и служанками мчались на душераздирающий крик нашей принцессы...

Плечи брата мелко затряслись от одного из самых страшных воспоминаний моего детства. И самых, до недавнего времени, унижительных.

- А увидели...

Перед глазами промелькнула яркая картина: я, в ужасе кричащая сию с ногами на столе дворцовой кухни, а на каменном полу лежит...

- Она была похожа на мёртвую руку! – возмутилась и поёжилась, вспоминая коричневое неровное нечто с розовыми отростками с разных сторон.

- Ты кричала на клубень! – не выдержал брат, рассмеявшись в полный голос.

- На. Мёртвую. Руку. – прорычала каждое слово, запнулась вспомнив характеристику с тигрицей Аарона, выдохнула.

Он же и явился первым, с мечом наперевес ворвавшись в тёмную кухню. Быстро оценил обстановку и с усмешкой сказал:

- Не сомневался, что ты снова принесёшь проблемы, принцесса, – и мягко приблизился, разместив ладони рядом с моими дрожащими ногами. Прошептал, чтобы не слыша-

ли остальные: - если хотела увидеть меня перед отъездом, могла просто позвать.

Я засыпала и просыпалась, слыша это нахальство в собственной голове. Практически весь период его войны со степняками.

Взглянула на веселящегося брата, который в очередной раз не поможет. Ни с моим женихом, ни со своим же лучшим другом. И уверенно уведомила:

- Ты устал и тебе пора, - сложила руки на груди, разглядывая брата.

Всё с привычной доброй улыбкой вздохнул, грациозно встал с кресла. Почти беззвучно приблизился, поцеловал меня в макушку, как делал с самого детства.

- Руфи, не злись пожалуйста. Сегодня у всех был трудный день, но я догадываюсь что может его исправить... – и воодушевлённо придвинул ко мне бумажную папку, с которой пришёл, - я принёс список.

Взглянула на папку на чайном столике, на брата, снова на папку. Внутри крепнет уверенность в том, что содержимое мне не понравится.

- Какой... список?

- Список возможных женихов! – провозгласил брат. Но глядя в моё лицо, улыбка медленно сползла с его лица, - я просчитался, да?

Кивнула.

Умом понимаю, что брат хотел как лучше. Вижу в его доб-

рых глазах беспокойство и уверенность в сказанном. Но мне не легче. Более того, из-за Аарона я умудрилась забыть о разрыве помолвки.

И реальность с размахом опытного мечника, ударила по голове.

Владиус медленно, не делая резких движений потянулся к папке.

- Оставь, - тихо приказала. Он остановился с протянутой рукой, успевший сжать край картона.

- Руфи...

- Нет, я взгляну, - усмехнулась и уселась напротив. Вырвала из его пальцев папку. Открыла.

- Можно я уйду? – спросил с надеждой.

- Нет, - убрала досье первого кандидата в сторону.

- Я устал, - повторил попытку брат.

- Выпей чаю, - уставилась на карточку третьего. Подняла взгляд на напряжённого Владиуса, - ему сорок девять.

- У мужика бриллиантовая шахта.

- И три бывшие жены.

- Все богатые.

- То есть, мне он достанется уже надкусанным? – съехидничала и перешла к следующему. – У этого лицо человека, который ест детей.

- Руфи, - обиделся брат, - это Аарон.

- А ты уверен, что многое знаешь о своём друге? – спросила наиграно участливо.

Встал. Папку у меня забрал. Рубашку поправил.

- Ты очень устал и тебе сильно пора?

Не ответил. Но всё равно обошёл стол и поцеловал меня в макушку, как делал это с тех пор, как умерла мама. Чеканя каждый шаг покинул мои покои.

Только закрывшись, двери открылись вновь.

Дождалась, когда меня переоденет молчаливая горничная с блестящими от любопытства глазами.

Слухи о разрыве помолвки разлетелись ураганом, и конечно, сама приближённая ко мне служанка назначена главной наблюдающей. Девушка почти не моргает. Ловит каждый мой взгляд, вслушивается в дыхание, высматривает несуществующие слезинки на ресницах.

И анализирует.

Если буду чересчур молчаливой, значит горюю. Страдаю так сильно, что теряю королевское лицо даже перед прислугой. А если слишком весёлой, значит не просто легкомысленно отношусь к брачному таинству, но и к той самой любви, о которой барды слагают песни многие годы.

Нашей чистой, искренней любви.

Прикрыла глаза, якобы от упавшей на лоб локона. Когда не видно нездорового взгляда становится легче. Но горничная локон убрала, вплетая в высокую косу. Пришлось вновь сосредоточиться на дыхании.

Посмотрела в зеркало, неглубоко вздохнула, словно груди мешает плотный корсет. Подбородок до параллели полу,

взгляд чуть свысока. Королевский. Моргнула от промелькнувшего локона. Держу спину, контролирую даже кончики пальцев.

Моё состояние отражает состояние королевства.

Всё как учила матушка.

Я принцесса королевства Алмассии, Руфалина Александреску.

Пелена перед глазами начала рассеиваться и в отражении зеркала, я заметила странное красное пятно на краю собственной кровати.

- Это не моя ночная рубашка, - констатировала очевидное.

Лёгкая, кружевная, невесомая, несравнимая по удобству с моими длинными сорочками. Но какая-то... вульгарная.

- Этот комплект пошитый по последнему слову моды, Ваше Высочество... - пролепетала девушка, но дослушивать не стала, повторив:

- Это не моя ночная рубашка. Исправь.

Плохо скрывая разочарование, она метнулась к кровати, схватив кружевное нечто и быстро достала из гардеробной светлую, длинную ночную рубашку.

Приличную, прикрывающую края моих панталончиков.

И продолжила заплетать волосы, старательно неспеша.

Невзирая на разрывающую боль, нестерпимое желание заплакать, закричать, свернуться калачиком под одеялом, причитая о несправедливости собственной жизни, приказываю:

- Достаточно.

И тихо, почти незаметно вздыхаю. Достаточно, чтобы показать печаль.

И горничная замечает. Не может скрыть восторг, убирает расчёски слишком быстро. Задевает заколки, извиняется, судорожно собирает их с пола.

- Оставь. – встаю с пуфика и продвигаюсь из будуара в спальню, - уберёшь завтра. Уходи.

Она шуршит форменным платьем. Собирается. Слишком медленно.

Я на грани.

Представляла море, которое никогда не видела, но о котором грезила. Как его лазурные волны омывают мои гудящие ноги. Успокаивающе шелестя, уносятся обратно, забирая с собой тревоги и боль.

Торопливые шаги за спиной. Она уже в гостиной, спешит донести о состоянии брошенной принцессы.

Мои ноги сровнялись с краем кровати. Ещё мгновение и можно плакать. Скорее.

Дверь за ней захлопнулась.

Я рухнула лицом в подушку, закричав до раздирающего горло хрипа.

Не знаю сколько прошло времени, но слёзы кончились. Пришлось встать, умыться, чуть расплескав воду. В зеркало смотреть не хотелось.

Завтра в нем отразится гордая и прекрасная принцесса, но сейчас...

Медленно, обессиленно покачиваясь добрела до кровати. Легла мягко, привычно поправив выбившийся из косы локон на подушке.

«Чтобы если убийца явится в спальню, ему красиво было», - прокомментировал это движение брат, впервые увидев.

Тогда я рассмеялась. Уверенная, что опытный мечник Вильгельм защитит.

Я наблюдала за его тренировками, гордилась что каждая фрейлина жгуче мне завидует. А он всё видел и наслаждался.

Однажды, после победы в турнире он, необременённый одеждой по пояс, с капельками пота на подтянутом теле, приблизился ко мне вплотную и громко прошептал:

- Всё это, чтобы отгонять от одной красавицы настырных ухажёров.

Фрейлины были в восторге! Я же сверкала неприлично широкой улыбкой, которую не могла подавить. Мы любовались друг другом, наслаждались друг другом все эти годы.

До прошлого месяца. Он вернулся в собственное княжество. И всё изменилось.

Вильгельм впервые не писал мне письма. Я же, не имела права отправлять своё первым. Оно и сейчас лежит в верхнем ящике стола моего комода.

Пока однажды, изведённым моими вопросами, домыслами и беспокойством брат, намекнул о донесении. В котором мой Вильгельм был замечен со жгучей брюнеткой.

С трудом открыла глаза. Между закрытыми шторами прорывалась тонкая полоска света. Вот и новое утро.

Аккуратно ощупала лицо, невольно скривилась. Придётся пострадать ещё немного.

Добралась до кабинета, который все считают неиспользуемой в моих покоях комнатой. Нажала на специальный выступ под столом и дождалась щелчка. Механизм замка работает безупречно, даже спустя столько лет.

Мамина тайная лаборатория встретила запахом трав, лёгкой прохладой от специальных щелей и её записями, которые зашелестели стоило мне открыть узкий проход.

- Мама, я пришла, – прошептала то, что раньше радостно выкрикивала.

Взяла колбочку, вышла, налила воды, поставила на огонь. Сверилась с одним из прикреплённых к стене листов. И принялась сноровисто открывать ящики.

Сушеный белоцвет с горных вершин для лучшего охлаждения кожи поместила в колбочку, пока вода не вскипела. Натянула перчатки и аккуратно лезвием очистила лолиус от длинных шипов и использовала именно их, отложив лепестки в чашечку.

Малоизвестный факт, полученный мною из маминых уроков – именно в ядовитых шипах сорняка больше всего сока, усиливающего микроциркуляцию крови, придающую здоровый вид и сияние.

Слизь речных улиток с сожалением собирала со стенок

деревянным шпателем и добавила три капли экстракта кофеина, привычно вдохнув терпкий аромат очередного запрещённого для меня продукта.

Довела до кипения, потушила огонь в грелке. Осталось дать составу остыть, добавить немного очищенной белой грязи и лучшая в мире маска для лица готова.

Осмотрелась, в тысячный раз ощущая тоску.

Мама любила слушать мои рассказы о Вильгельме, она называла это «щебетанием влюблённой птички». Уверена, сейчас тоже выслушала бы меня внимательно.

Встряхнула головой, отгоняя глупые мысли. Взгляд упал на узкую щель в полу, в самом тёмном углу лаборатории. Подошла, достала кожаный блокнот размером с мою ладонь.

Провела кончиками пальцев по мягкой коже, медленно, растягивая мгновения открыла. Улыбнулась, любуясь крупным, уверенным почерком.

Мамин талант. И он же, главный секрет, который она доверила только мне – увлечение не достойное леди.

Каждый раз выбираясь из дворца, мы гуляли по лесу, собирали целые букеты разнообразных трав и полезных в быту грибов. А после, пробирались в тайную лабораторию, спрятанную за стенкой кабинета и, как она говорила: «игрались».

Сердце болезненно кольнуло, и я быстро, привычно открыла самую помятую страницу.

«Матирующий крем», - моё первое личное изобретение, созданное под чутким руководством мамы. И записанный

моей неуверенной рукой рецепт.

Как же она мной гордилась! Не мешала, не помогала, лишь предостерегала, когда неопытная рука тянулась к сомнительному ингредиенту.

Обернулась, разглядывая чёрное пятно на заговоренном деревянном столе. Сгореть не сгорел, но подпалился и долго благоухал на все покои.

Перевернула страницу, рассматривая мамины аккуратные рисунки с изображением используемых растений, подробно-стями по консистенции на каждом этапе варения и даже описанием запахов!

Мне не добраться до её уровня.

Впервые открыла блокнот ближе к концу. Там, куда заглядывать было больно.

Недоработки. То, что молодая женщина, прекрасная и любимая народом королева Алмассии, наша мамочка не успела завершить.

Те же рисунки, выведенные карандашом, а не чернильной ручкой. Перечёркнутые граммовки и нервно написанные комментарии.

В груди больно кольнуло. Наша совершенная королева становилась настоящим ураганом неистовства, стоило чему-либо пойти не по плану. И это касалось, в том числе, и зельеварения.

Этому не обучали в школах, академиях или даже при аптеках и лекарственных.

Травоведы брали учеников, передавая свои опыт и знания исключительно доверенным лицам. Моя мама училась у бабушки, герцогини соседнего королевства, в котором женщинам дозволяется реализовываться в практически любых направлениях.

Из-за отсутствия регламентов или общих рецептов, в лабораториях травоведов каждое растение исследовалось порозному. Те, кто продаёт свои работы аптекам и лечебницам, разбирают травы, грибы и даже яды со стороны лекарственных средств.

Мастера, продающие продукты для красоты, делают упор именно на визуальные свойства и реакцию на кожу, волосы, ногти.

Но есть иные, как моя матушка. Помимо полезных для женщин кремов и лекарств, меня обучали созданию специфических вещей. Самых редких, из-за убыточности, а местами и запрещённых.

Зелья.

Перевернула очередную страницу и застыла. Взгляд зацепился за неровные, выведенные непривычно грубым почерком. Вдавленные в лист слова: «Приворотное зелье».

Быстро закрыла тетрадь, подскочила к открытому проходу и прислушалась.

Сердце будто стучало в горле, пальцы отчаянно цеплялись в деревянный край книжного шкафа, за которым и спрятала лаборатория.

А в голове мысли. Неправильные. Запретные. Гнусные. Желанные.

Заставила себя медленно вернуться, дать время всё обдумать. И, как говорит брат, «пережить эмоции».

Села на колени перед кожаным блокнотом, протянула к нему дрожащие пальцы и отдернула, будто обжёгшись.

- Мамочка, что мне делать? – посмотрела в потолок и исправилась, - или чего делать не стоит...

Вытерла вспотевшие ладошки о ночную сорочку, пытаюсь не спешить. Не получается совершенно.

Внутри что-то подгоняет, жаждет прочесть то, что решит мою проблему.

А почему другим можно уводить чужого жениха, а мне нельзя?! Я ведь тоже хочу любви! Нежности! Мы были помолвлены с самого детства, я знаю его лучше, чем кто-либо другой! Даже к свадебной церемонии всё готово, осталось только её провести! Я заслуживаю...

Задышала глубоко, до боли выпрямила спину. Вспомнила его холодный взгляд, обжёгший меня у самого входа в малую столовую, словно мы не просто не знакомы. А я ему противна.

Сжала кулачки, уставилась на обложку. Сердце ещё болело от воспоминаний, но гордость. Королевская, нет, женская гордость! Вспыхивала волнами злости, вытесняя глупые мысли в виде розовых сердечек, которые я всегда рисовала ему в письмах.

Вдруг он также гулял с ней в уединённых местах, якобы случайно касаясь женской ладони своей, не обременённой перчаткой. Или шептал нежности не касаясь, лишь щекоча волосы возле ушка. А может, просил нарочно споткнуться, чтобы позволить прижать к себе желанное тело.

Вдруг прямо сейчас, он пишет ей любовные письма, восторгается красотой и клянётся защищать всю жизнь!

Руки зачесались создать зелье. Приворожить неверного, гадкого, пусть пока ещё любимого мужчину и бросить! При всех. Растоптав и унизив его одной лишь фразой.

Поступить с ним так, как он поступил со мной.

- Я люблю другого, и мы собираемся пожениться. Надеюсь на твоё понимание, - немного перефразировала слова, сказанные при всей моей семье и прислуге. И со вздохом пробормотала: – Заманчиво...

Открыла, пролистнула на нужную страницу и заметила, что край оборван. Недоумённо провела пальчиком по неровному разрыву. Не понятно, зацепился и оборвался лист случайно, или его кто-то намеренно вырвал.

Перевела взгляд на неровные строки, обрывистые линии и непривычные характеристики в таблице с экспериментами:

«...смесь 21, короткий срок действия, сменить стабилизатор - он смотрит на других женщин;

... смесь 26, срок действия сутки, но слишком яркая реакция объекта, сменить компонент на розовый порошок - агрессивен к другим представителям мужского пола;

... смесь 38, стабильный срок действия трое суток, объект не может думать ни о чём постороннем, желание граничит с безумием. Смягчить усилитель кунжутной выжимкой – нужна абсолютную любовь, а не тупое подчинение;

Слишком яркий запах лаванды, перекрыть эстрагоном не удаётся. Не добавлять мяту (!) усиливает помутнение рас-судка;

... смесь 44...»

Объект? Мы всегда проверяли свои работы исключительно на специально выведенных для этого магических фантомах! Они как манекены стояли в углу лаборатории и рассказывали как о вкусовых особенностях, так и в мельчайших подробностях описывали ощущения.

И в записях так обозначались: фант. 1, и вариант смеси, а «объектом» мы называли уже...

Мама сразу ставила эксперименты на человеке?!

В коридоре слышались шаги.

Сколько времени прошло?

Взглянула на приготовленную смесь и с неудовольствием отметила, что она успела свернуться. Значит, больше полу-часа.

Сноровисто спрятала тетрадь в щель. Прошмыгнула в кабинет, задвинула деревянную панель, нажала на рычаг под столом. Привычно и быстро. Вместе с закрытием двери в кабинет слышала щелчок запираемого механизма.

В дверь покоев постучали. Легла в кровать, взмахом ру-

ки красиво уложив волосы на подушке и укрывшись одеялом. Стук раздался уже в дверь спальни.

- Войди, - дозволила привычно, не обращая внимание на служанку. Встала, умылась принесённой тёплой водой и остановилась перед зеркалом, ожидая начала переодевания.

А в голове безостановочно метались мысли. Приворотное зелье, Вильгельм. Но главное: мама ставила эксперименты на человеке! Настоящем, живом человеке!

Тем более, корректирующее работу мозга средство! Они категорически запрещены к созданию! Только в лечебных целях, узкому кругу лиц для успокоения буйных, асоциальных людей. Потому что управлять другим это низко! Аморально! Возмутительно! Никто не имеет права лезть в твою голову ради собственной цели!

Вспомнила как менее получаса назад всерьёз задумалась использовать приворотное зелье на собственном женихе. Бывшем женихе.

- А... ой, - дёрнулась от лёгкой боли в спине и только сейчас обратила внимание на горничную. Моя личная привыкла к этим платьям и никогда бы не уколола металлической застёжкой. В отличие от привыкшей помогать с костюмами моему брату. – Почему ты здесь?

- По приказу Его Высочества, - неуверенно ответила красивая девушка, медленно, но старательно застёгивая крючки на платье.

- А где... - запнулась. Я знала её как личную горничную.

Имя - нет.

Но девушка, похоже, опытная. Она поняла:

- Уволена.

Кивнула. Простолюдины вокруг меня меняются слишком часто чтобы заострять на этом внимание. Гораздо важнее для принцессы помнить лица и события знатного окружения. Пусть мы и встречаемся не так часто.

К счастью.

Но именно сейчас, мне предстоит такая встреча.

К сожалению.

Запланированное несколько недель назад чаепитие проходит в королевском парке по просьбе моей ближайшей фрейлины. Просьба была озвучена на банкете, прилюдно и почти искренне. Пришлось позволить.

О чём я ни раз успела пожалеть.

Особенно сейчас, после разрыва помолвки о котором точно знает всё королевство.

- Заколка должна быть выше, - поправила горничную, привыкшую прислуживать мужчинам. Девушка испуганно вздрогнула и неаккуратно дёрнула меня за волосы. Сжала зубы.

Единственный плюс происходящего – творящееся безобразие отвлекает от мыслей.

- Убери локон, - приказала, сквозь упавшие на лицо волосы глядя на горничную своего брата. Девушка ойкнула и потянула сильнее, дёрнул мою голову назад. – вызови Марису.

Верная брату служанка с облегчением выдохнула, отпустив мои многострадальные волосы. Сделала книксен и практически выбежала из покоев.

Я же осталась в собственном будуаре одна, ожидая.

Корсет затянут слишком сильно, подъюбники наоборот, следует затянуть потуже. Крючки затяжек до сих пор колют нежную кожу на спине. Не уложенные локоны мешаются, щекочут плечи, уши, нос.

Но сижу, гордо расправив плечи и ожидаю. Подготовку к утреннему чаепитию мы начали с рассветом. Значит, времени должно быть достаточно, чтобы явиться с лёгким опозданием, когда все уже собрались.

В дверь постучали.

Я позволила себе улыбнуться. Судя по тому, как быстро явилась бывшая горничная моей матушки, брат предвидел подобный исход.

На огромной светлой веранде уже собрались дамы, которые старательно искренне сочувствовали моему несчастью. Сильно переигрывая.

Я подозревала, что если бы у сочувствия были зубы, меня бы давно съели.

- Ах! Какая трагедия, - вздохнула графиня.

- Безусловно. – кивнула, присаживаясь в кресло.

- Вы так хорошо держитесь. – добавила сидящая напротив маркиза. Подалась вперёд. С виду для того, чтобы донести мысль тише, но я-то знаю, что проблема в плохом зрении

девушки.

Ей просто не видно моих страданий.

- Благодарю. – служанка налила чай в мою чашку.

- Я бы на вашем месте просто не смогла выйти к людям.

– продолжила графиня.

Я лишь улыбнулась.

- Тогда вам повезло не быть на моём месте.

Графиня моргнула.

- Разумеется.

Герцогиня осторожно поставила чашку, мельком взглянула на меня и:

- Говорят, князь уже определился со своей новой избранницей.

- Она ведь вдова? – с энтузиазмом уточнила маркиза.

- И старше него.

- Какая смелость с её стороны. – тихо добавила я, сделав глоток чая.

Кто-то закашлялся. Я же, указала служанке на тарталетку. С пробуждения прошло более пяти часов, мне необходимо питаться.

- Я слышала, что она очень красива. – аккуратно продолжился разговор.

- И носит короткие, чёрные волосы.

- И что князь совершенно очарован.

Взяла в пальчики тончайший кусочек хлеба с творожным сыром и зеленью, от всей души солгала:

- Я очень рада за них.

Тишина. Они явно ожидали слёз, а лучше — скандала.

Но никто не получил ни того, ни другого.

Я же сидела идеально прямо. Завтракала отвратительной едой, пила едва тёплый чай и улыбалась.

Главное - отвечала так, чтобы формально ко мне невозможно было придаться.

Пока не услышала:

- Наверное, вы всё-таки недостаточно старались удержать его внимание.

Чашка остановилась возле её губ. Внутри до боли что-то холодно вспыхнуло. Глаза заволокло мутной пеленой. На мгновение испугалась, перестав дышать.

Но моя спина прямая, взгляд уверенный, а рука с фарфоровой чашкой не дрогнула.

Потому что я принцесса королевства Алмассии, Руфалина Александреску.

Медленно поставила чашку. Повернула голову на герцогиню. Не более чем пол оборота, улыбнулась.

- Не сердитесь. – попросила женщина, заметно желая обратного.

- Я не сержусь.

- Я лишь хотела сказать...

- Я поняла. – чуть кивнула, - Но если мужчина способен покинуть женщину из-за того, что она недостаточно старалась удержать его внимание, думаю, проблема всё-таки не в

её стараниях.

И продолжила давиться тарталетками, пока в корсете не стало невозможно дышать. Для этого было достаточно пяти штук.

Уже позже, как обычно, не дав мне прийти в себя, явился секретарь отца.

Пожилой мужчина, обычно любящий обсудить со мной шалости своих подрастающих внучек, непривычно молчал.

Чем ближе мы подходили к малому кабинету отца, тем сосредоточенней становились стражники, напряженной атмосфера.

Остановились, ожидая когда лакей откроет дверь. Делаю вид, что злые крики по ту сторону коридора – плод моего воображения.

Секретарь с облегчением остался на месте, мне же пришлось войти.

- Я прошу тебя! Убери! Это чересчур! – всегда сдержанный при отце, весёлый со мной, брат смотрел на сосредоточенного короля сверкая яростью. Не хватало только молний, разбивающих вдребезги каждый фарфоровый предмет на столе.

- Прекрати истерику, сын, - тихо, но грозно потребовал отец, поднимая газету выше. Так, чтобы её заголовок увидела я, - чем раньше она смиритсся, тем раньше мы начнём подбор следующего жениха.

От словосочетания «следующего жениха» едва не дёрну-

лась как от удара. Словно это нормальная, ежедневная практика.

Как платье сменить.

Только супруга, с которым предстоит провести остаток жизни.

Сдержалась, продолжая растягивать губы в светской улыбке.

Даже не рухнула на кресло у стола, а грациозно уселась, расправив юбки. С радостью потянула бы время, оглядев строгий интерьер, но король ожидает моего внимания.

Терпение короля ограничено.

Взгляд подняла. Заголовок прочитала. Взглянула в папины глаза.

Ни проблеска сочувствия. Ни грамма участия. Холодный анализ человека, вложившего годы, финансы, усилия в ресурс для укрепления собственной страны.

И ресурс не подвёл.

Я не дрогнула от разорвавшей меня изнутри боли. Не заплакала от жгущей обиды. Не опустила взгляд, выдержав безразличие родного отца.

Имею полное право собой гордиться.

Ещё вчера, рыдая и срывая голос в подушку, я прокручивала в голове самые обидные заголовки, которые способны выдумать журналисты: «Из навязанного в собственно выбранный. Не осуждаем, а благословляем!», «Будущий князь собственным сияющим примером доказывает, что мужчи-

нам полезно разнообразие», «Мода на блондинок ушла, брюнетки, настало ваше время!», или «О вкусах не спорят: кто-то любит свежее и невинное, но князь предпочитает изысканное и опытное».

Но я не ожидала, что в реальности люди способны причинять такую боль.

Заголовок занимал ровно половину первой страницы, чтобы никто, при всём желании, не смог его пропустить: «Наивность против страсти, солнечный свет против заволаживающей ночи. Бой за князя проигран самодостаточной вдове, знающей, что ночными рубашками сыт не будешь!».

- Твоя горничная уволена, - уведомил король, удовлетворившись моим наигранным спокойствием.

Кивнула, с силой надавливая пятками в пол. Руки на виду, за лицом следит отец, всё что у меня осталось для выплеска боли – это сокрытые под платьем ноги.

Больно. Значит не сплю.

Очень жаль.

Брат сделал то, о чём мечтала я – ударил ладонями по массивному столу, выкрикнув:

- Её нужно казнить, а не тихо уволить! Как минимум посадить в темницу! – на моей памяти он так неистовствует впервые, - это клевета! На члена королевской семьи! На нашу Руфи!

- Руфалину, - так же невозмутимо поправил Генрих I, аккуратно сложив газету вдвое.

- Руфи, отец! Твоя дочь! – навис над столом Владиус.

- Руфалина Александреску, Принцесса королевства Ал-масси! Рождённая служить своей стране, во имя её процветания, ради безопасности каждого жителя. – громко, но не повышая голос. Строго, но звонко сказал король: Как и ты, наследный принц Владиус Александреску!

Взгляд упал на отложенную в угол стола газету, сквозь скребущееся внутри чувство разочарования в каждой секунде жизни, начало пробуждаться нечто иное.

До того, как Владиус вновь продолжил заведомо проигрышный спор, спокойно уведомила:

- Я хочу встретиться с репортёром, написавшим эту статью.

- Зачем? – спросили в один голос мужчины. Уголки губ невольно дрогнули. Как же они похожи.

- Интересно чем его не устроила моя ночная рубашка.

Отец яростно хлопнул по столу, брат выругался, слуги у стены закашляли, старательно маскируя смех.

А тот, кто привычно скрывался, следуя за мной по пятам, беззвучно вошёл в кабинет со стороны балкона. Обжёг меня взглядом черных глаз, даже не скрывая что веселится.

- Я пойду с ней, Ваше Величество, - склонил голову перед отцом, - Ваше Высочество, - перед братом.

- А мне поклониться не желаешь? – к всеобщему удивлению, съехидничала при отце.

- А ты заслужи, - широко улыбнулся нахал.

Редакция располагалась в большом каменном здании, где снаружи царила такая деловая суета, что я на мгновение почувствовала уважение к людям, которые ежедневно публикуют столько статей.

Чувство прошло, едва вспомнила каких именно.

Сначала нас никто не заметил. Несколько человек спорили возле лестницы, кто-то тащил стопку свежих листов. Из-за полуоткрытой двери доносился голос, читающий вслух свой материал.

Пока один молодой служащий не поднял глаза. Увидел меня, уже напряженной посмотрел на Аарона. Побледнел.

Всё с той же светской улыбкой наблюдаю как человек делает шаг назад. Губы почти жжёт от желания растянуть их в оскале, когда он делает второй.

А затем не слишком тихо произнёс:

- Это же... - запнулся о порожек, - это же...

Краев зрение замечаю, как Аарон положил ладонь на рукоять меча.

Молодой человек исчез. Просто исчез. Метнулся за ближайшую дверь с такой скоростью, будто за ним уже гналась смерть.

- Позер, - прокомментировала шёпотом.

- Не завидуй.

Стоило нам войти в открытые двери, как ещё один работник выглянул из-за стойки. Увидел нас, прыгнул обратно.

Я нахмурилась. Мы такими темпами моего репортёра не

поймаем.

- Аарон.

- М-м? – раздалось довольное.

- Пугай людей чуть меньше.

- Вообще-то твои фрейлины называют меня очаровашкой.

Медленно повернулась.

Высокий, широкоплечий мужчина в тёмном плаще, с лицом человека, который пережил войну и не слишком скучает по тем, кто её развязал. Даже когда Аарон просто стоит, кажется, что он сейчас кого-нибудь убьёт.

Герой войны, чей портрет был развешен на каждом столбе каждого крупного города.

Человек, который возвращался из сражений живым тогда, когда другие возвращались только в списках погибших.

Во дворце о нём говорили уважительно. В городе - осторожно. А в редакции, судя по всему, собирались говорить только мысленно.

Мы поднялись на второй этаж, полностью заставленный столами, стульями, газетными вырезками и стопками исписанных бумаг. Рабочая суматоха газетной редакции, похожая на растревоженный пчелиный рой остановилась в тот же миг.

Секунда тишины, и началось.

Один из работников схватил бумаги со стола и попытался убежать, но зацепился за стул. Стул врезался в другой стол, стол в шкаф. Шкаф угрожающе качнулся.

- Может поможем ему? – машинально отступила на шаг.

- Сам справится, – даже не шелохнулся Аарон.

Мужчина бросил бумаги и нырнул под стол. Его коллега уже полз в противоположную сторону. Третий попытался открыть окно. Четвёртый заперся в архиве. Пятый почему-то прыгнул в окно, которое не открывалось третьим.

Снизу донёсся вопль:

- Я ЖИВ!

- Очень рада за вас, - пробормотала, разглядывая пустеющее пространство.

- Может мне устроиться в газету, - как и я, оценил кабинет стражник.

- Должен же быть предел твоей жестокости. – ужаснулась.

- Сказала та, кто пришёл сюда мстить.

В этот момент из дальнего конца помещения выбежал мужчина с огромной кипой бумаг. Увидел нас, замер. Посмотрел на меня, на Аарона, на бумаги. Снова на меня.

И рухнул в обморок.

А я его узнала! Тот самый! Мой репортёр!

Удовлетворённо кивнула и грациозно поплыла мимо перевёрнутых стульев. Переступала торчащие из-под столов ноги, носочком туфельки сдвигала в сторону бумаги.

Топтаться по чужой работе – кошунство. Вновь вспомнила что именно за работа, шагнула назад, потопталась.

Под тихий смех невозмутимо прошла дальше.

- Приведи его в сознание, - приказала стражнику.

- Может, позвать лекаря?

- Он не нужен мне здоровым, - вместо худощавого лица репортёра, вижу огромные буквы газетного заголовка, - он нужен мне в сознании.

Аарон вздохнул так тяжело, будто я поручила ему снова добыть голову врага королевства. Но, на удивление, без споров подошёл к репортёру, присел и взял его одной рукой за ворот.

Поднял на уровень своего лица.

Вокруг нас наступила абсолютная тишина. Даже те, кто прятался под столами, перестали шевелиться.

Аарон несколько секунд рассматривал репортёра.

- Эй, ты.

Никакой реакции. Он похлопал мужчину по щеке. Сначала слегка, но репортёр не двигался. Аарон хлопнул сильнее.

Я заметила, как у лежащего под ближайшим столом писаря медленно закрылись глаза. Наверное, он решил умереть заранее, опасаясь что если товарищ не очнётся – настанет его очередь.

- Мужик, подъём, - новый хлопок. Выверенная сила, жёсткий контроль. Он бил ровно настолько чтобы привести в чувство.

Репортёр внезапно застонал.

- Живой, - спокойно сообщил Аарон, а я заметила странность.

Репортёр действительно выглядел бессознательным. Но когда Аарон замахнулся в очередной раз, тот едва заметно

дёрнулся.

Я прищурилась. Аарон тоже заметил.

- Мужик, ты притворяешься?

- Нет, - едва слышно прошептал мужчина.

Мы с Аароном переглянулись. Аарон поднял руку. Репортёр передумал:

- Да.

- Что «да»?

- Притворяюсь.

Я прикрыла рот ладонью. Смеяться нельзя. Я принцесса. Оскорблённая и пришедшая вершить справедливость принцесса.

Сохраняй достоинство, Руфалина Александреску.

В этот момент одна из дверей распахнулась. На пороге появился мужчина лет пятидесяти с редеющими волосами, чернильным пятном на пальцах и выражением лица человека, который ещё не понял, почему его редакция напоминает место после нападения варваров.

Он оглядел помещение.

Стул лежал посреди прохода, несколько столов были сдвинуты. Бумаги покрывали пол, будто свежевыпавший снег.

Из-под одного стола торчали две ноги. Из-под другого – иная, более округлая часть тела человека.

В открытом окне не было того самого молодого служащего, из архива доносилось очень усталое чихание.

Главный редактор медленно поднял взгляд.

Увидел Аарона. Который одной рукой держал в воздухе их репортёра, а второй почему-то продолжал периодически хлопать его по щекам.

Репортёр уже не скрываясь, смотрел на редактора с выражением безмолвной мольбы о спасении.

И тут редактор увидел меня:

- Ваше высочество...

- Доброго дня.

Он побледнел, сглотнул.

- Это... недоразумение.

- Что именно? – продолжаю улыбаться. Очень сомневаюсь, что учтиво. Впервые за последние сутки мне не удаётся контролировать выражение собственного лица.

- Мы... очень уважаем королевскую семью.

- Это разумно.

- И никогда не хотели вас оскорбить. – пробормотал и вздрогнул от очередного звонкого шлепка по щеке своего работника.

Я посмотрела на репортёра. Репортёр посмотрел на меня. Потом снова закрыл глаза.

- Чем мы можем быть вам полезны?

Я прошла к ближайшему уцелевшему столу и аккуратно села. Аарон поставил бедолагу на пол. Тот попытался отползти, но был схвачен за шиворот и усажен за стол.

Как усажен. Стол стоял как положено, а вот стул валялся в проходе. Краснощёкого мужчину это не смутило, он покорно

подогнул колени, изображая сидячее положение.

Уверена, он бы сейчас изобразил всё что угодно.

И я с радостью это использую:

- Мне хотелось бы обсудить одну небольшую тему для вашей следующей статьи.

Главный редактор осторожно подошёл поближе.

- Какую?

Я улыбнулась.

- Женскую одежду.

Из-под соседнего стола донёсся тихий стон.

- И заголовок уже имеется, - сложила ладони на бёдрах, наслаждаясь покорным вниманием: - «Сорочка для сна, а не для охоты на мужчин: краткое руководство по приличию и распознаванию крайне подозрительных модификаций»

Редактор смотрел на меня так, словно пытался понять, можно ли вызвать помощь, не совершив при этом государственного преступления.

- Это восхитительно, - смирился он наконец.

- И ещё.

- Да?

Я наклонила голову.

- Если мне не понравится статья, - перевела взгляд на «сидящего» репортёра. Мужчину трясло так, что даже деревянный стол ходил ходуном, - мы вернёмся с правками.

Главный редактор вздрогнул. Покраснел. Побледнел. Смирился. Активно закивал:

- Конечно, Ваше Высочество. Это будет большой честью.

Коротко попрощалась, удерживая спину прямо направилась к двери. Мимо столов, стульев, торчащих ног и уже не переживая за лежащие на полу бумаги.

Аарон беззвучно шёл следом.

Дверь за нами закрылась.

Вдохнула свежий воздух, разочарованно выдохнула. Сжимающий рёбра корсет не даёт получить даже малейшего удовольствия от разваливающейся жизни.

Мы прошли несколько шагов по улице.

- Ты довольна?

- Нет, - расслабляю лицо, чтобы не показывать, как сильно болит голова. – Ты мне так и не поклонился.

Аарон тихо рассмеялся, от чего проходящие мимо девушки чуть не вышли на проезжую часть.

- Чтобы заслужить моё уважение нужно гораздо большее.

С удовольствием пропустила семейный ужин, с ещё большим удовольствием проплакала до утра.

Кажется, даже смогла немного поспать.

В этот раз, смогла нанести маску и почти не смотрела в тёмный угол лаборатории, где спрятаны запретные, желанные знания.

Отослала новую горничную и не успела выйти из покоев, как в окно постучали.

Неприлично побежала, растягивая губы в улыбке. Он прислал своего голубя! Вернулся!

Открыла окно, чуть не запищала от вида белой голубки с привязанной к лапке запиской. Дрожащими пальцами погладила мягкую голову, и вчиталась в понятный только мне подчерк:

«Руф-Руф, слышал о похождениях охамевшего князька! Надеваю жилетку и мчусь к тебе.

Буду к обеду, ждать тебя в кустах дворцового парка, где твои громкие завывания не будут никому слышны.

Твой верный, отзывчивый и невероятно красивый К.»

Перечитала записку трижды, пока в дверь не начали стучать. Выдохнула, приняла королевский вид и внутренне трепеща, пошла на завтрак.

Может, жизнь ещё возможно восстановить?